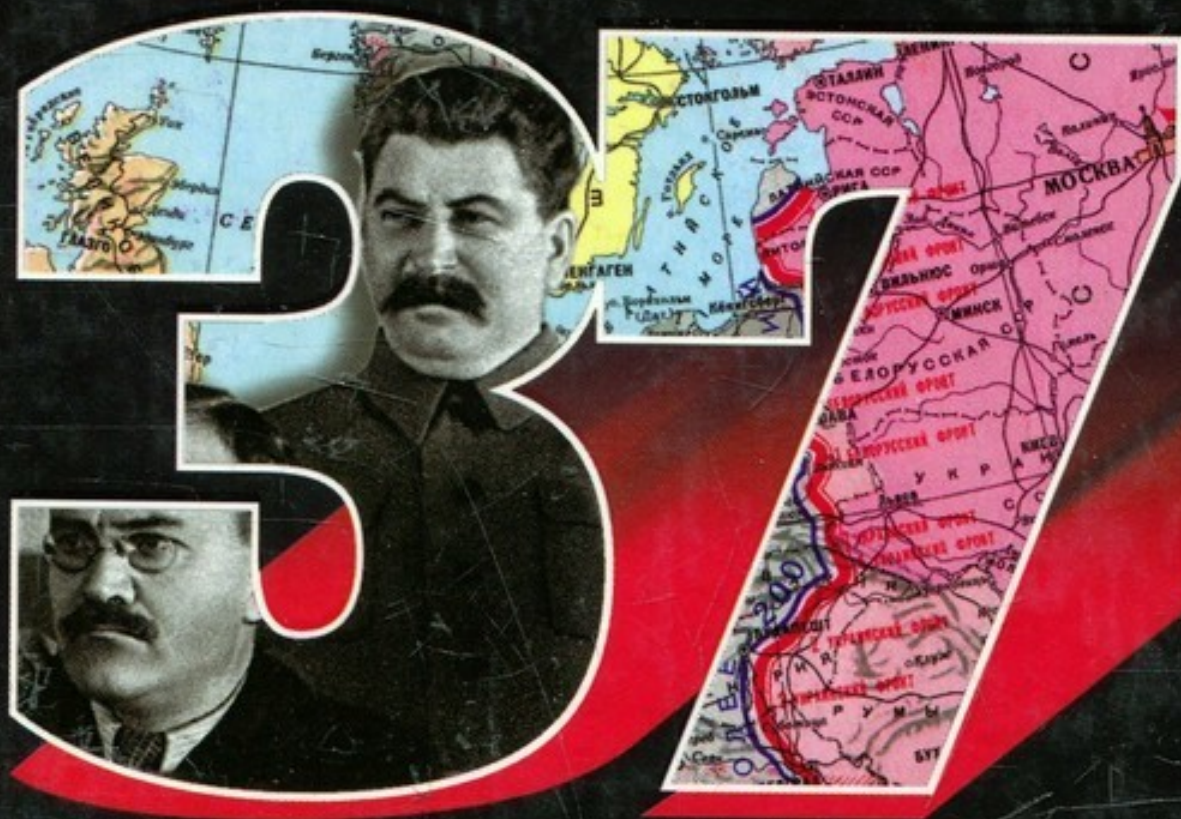

ЗАГАДКА

ГОДА

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

**ОТВЕТНЫЙ
СТАЛИНСКИЙ
УДАР**

Загадка 37 года

Василий Галин

Ответный сталинский удар

«Алисторус»

2008

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Галин В. В.

Ответный сталинский удар / В. В. Галин — «Алисторус»,
2008 — (Загадка 37 года)

ISBN 978-5-9265-0557-0

Оценивая политику И.В. Сталина в 1930-е гг., не следует забывать о международной обстановке в этот период. Советский Союз оказался один на один с сильнейшими противниками: не только фашистская Германия представляла угрозу для СССР, но и страны так называемой «западной демократии». «Антикоминтерновский пакт», «Мюнхенский сговор», провоцирование Финляндии на войну с СССР – части одной антироссийской подлости. В таких условиях Сталин был вынужден нанести ответный удар...

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-9265-0557-0

© Галин В. В., 2008
© Алисторус, 2008

Содержание

Враги и друзья	6
1933 год	6
Коллективная безопасность	9
Женевская конференция	13
Идея «вооруженного народа»	15
Восстановление «исторической справедливости»	16
Саар	16
Эфиопия	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Василий Галин

Ответный сталинский удар

© Галин В.В., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Враги и друзья

1933 год

Когда оценивают политику Сталина в 30-е гг., почему-то забывают о том, какая была в то время международная обстановка. Между тем многие внутривластные решения советского руководства напрямую зависели от того, что происходило тогда в мире. Советский Союз подвергался беспрецедентному прессингу на международной арене; более того, усиливается угроза военного вторжения на советскую территорию. И страны «западной демократии», и национал-социалистическая Германия вели в отношении СССР весьма двусмысленную политическую линию, сочетая дипломатическое маневрирование с нескрываемой враждебностью.

В Германии в 1933 году к власти пришел А. Гитлер, успех которого был во многом связан с его многолетней антибольшевистской риторикой. Так, например, 22 февраля 1933 г. Гитлер в публичном воззвании к национал-социалистам провозглашал: «Враг, который... должен быть низвержен, – это марксизм! На нем сосредоточена вся наша пропаганда и вся наша предвыборная борьба».

В очередной речи 2 марта Гитлер заявлял: «Устранил ли марксизм нищету там, где он одержал стопроцентную победу... в России? Действительность говорит здесь прямо потрясающим языком. Миллионы людей умерли от голода в стране, которая могла бы быть житницей для всего мира... Они говорят «братство». Знаем мы это братство.

Сотни тысяч и даже миллионы людей были убиты во имя этого братства и вследствие великого счастья... Еще говорят они превзошли тем самым капитализм... Капиталистический мир должен давать им кредиты, поставлять машины и оснащать фабрики, предоставлять в их распоряжение инженеров и десятников... Они не в силах это оспаривать. А систему труда на лесозаготовках в Сибири я мог бы рекомендовать хотя бы на недельку тем, кто грезит об осуществлении этого строя в Германии... Если слабое бюргерство капитулировало перед этим безумием, то борьбу с этим безумием, вот что поведем мы».

Между тем накануне выборов в рейхстаг 5 марта 1933 г. министр иностранных дел Германии Нейрат извещал Литвинова: «Хочу вас предупредить... Рейхсканцлер, возможно, перед выборами будет в своих речах резок по отношению к вам, но это, увы, реальности предвыборной тактики. Как только будет созван рейхстаг, фюрер сделает декларацию в дружественном для вас духе». Крестинский из наркомата иностранных дел также уверял советского полпреда в Германии: «Я убежден в том, что после выборов Гитлер, его приближенные и его пресса прекратят или, во всяком случае, ослабят свои нападки на СССР».

И действительно, 23 марта прозвучала речь Гитлера, в которой он выступил за «культивирование хороших отношений с Россией при одновременной борьбе против коммунизма в Германии». Заявление Гитлера полностью совпадало с мнением представителей Союза германской промышленности: «... Борьба с немецкими коммунистами не испортит наших взаимоотношений с СССР. Русские в нас экономически слишком заинтересованы и кроме этого... экономически мы слишком связаны с СССР».

28 апреля Гитлер принял советского полпреда Л. Хинчука. На встрече фюрер объяснил свою антикоммунистическую позицию – в Германии произошла революция. И хотя она не была кровавой, но, как во всякой революции, без эксцессов тут не обойтись... Наша эпоха трудна... Чем явилось бы для Германии падение национал-социалистического правительства? Катастрофой! А падение Советской власти для России? Тем же! В этом случае оба государства не сумели бы сохранить свою независимость. И что бы из этого вышло?... Это привело бы ни к чему другому, как к посылке в Россию нового царя из Парижа. А Германия в подобном слу-

чае погибла бы как государство. В конце встречи Гитлер подтвердил свой интерес к развитию деловых и экономических отношений с Россией.

5 мая 1933 г. Гитлер ратифицировал Московский протокол¹, с чем тянули до него все предыдущие канцлеры. Центральный печатный орган нацистов газета «Фолькишер беобахтер» откликнулась на ратификацию громадной редакционной статьей в двух номерах. Геббельс отмечал: «Этим актом национальное правительство Германии продемонстрировало, что оно намерено сохранять и развивать в дружественном духе политические и экономические отношения с Советским правительством».

Показательна и реакция Гитлера на выступление его ближайшего сподвижника министра экономики А. Гугенберга на Международной экономической конференции в Лондоне 17 июня. В меморандуме министра речь шла об утраченных рейхом колониях, о необходимости новых земель «для энергичной немецкой расы», а также, кроме критики в адрес СССР, о его расчленении и должной эксплуатации богатств Украины. Лондонская «Дейли геральд» назвала меморандум прямой угрозой германской агрессии против СССР. Официальный германский МИД в ответе на запрос советской стороны отверг подобный подтекст. Бюлов, представитель германского МИДа, убеждал советскую сторону, что, говоря о новых поселениях, Гугенберг имел в виду Канаду, Чили и вообще Южную Америку. Говоря о колониях – Африку. А Россию он попрекал низкой покупательной способностью. Тем не менее Гитлер немедленно отозвал А. Гугенберга из Лондона и, к крайнему неудовольствию вице-канцлера Ф. Папена, демонстративно вынудил его уйти в отставку.

Относительно «планов строительства Великой Германии Розенберга», предусматривающих «крестовый поход» против России и ее расчленение, Бюлов заявлял советскому полпреду: «Розенберг не имеет государственного статуса. Позвольте начистоту, господин Хинчук. Что бы вы сказали, если бы мы начали цитировать вам рассуждения основателя СССР Ленина о мировой революции? Или статьи из журнала Коминтерна? Ведь если бы мы исходили в своей практической политике из буквального их анализа, то нам бы уже давно следовало сойтись с Россией в смертельной схватке. А мы покупаем у вас рожь и продаем вам краны, трубы и турбины... Германия в отношении СССР стоит на точке зрения традиционных дружественных отношений и никогда не примет участия в интервенции Антанты против вас, к которой нас кое-кто подталкивает».

Оставался еще «Майн кампф», где в 1923 г., говоря о новых землях на востоке, Гитлер однозначно указывал на Россию. Однако в своем анализе расстановки сил накануне Первой мировой он писал: «Политику завоевания новых земель в Европе Германия могла вести только в союзе с Англией против России, но и наоборот: политику завоевания колоний и усиления своей мировой торговли Германия могла вести только с Россией против Англии». В настоящее же время: «Раз Германия взяла курс на политику усиленной индустриализации и усиленного развития торговли, то, в сущности говоря, уже не оставалось ни малейшего повода для борьбы с Россией. Только худшие враги обеих наций заинтересованы были в том, чтобы такая вражда возникала».

Тем не менее, по мнению Гитлера, союз России с Германией был невозможен: «Между Германией и Россией расположено Польское государство, целиком находящееся в руках Франции. В случае войны Германии – России против Западной Европы Россия раньше, чем отправить хоть одного солдата на немецкий фронт, должна была бы выдержать победоносную борьбу с Польшей».

В то же время «говорить о России как о серьезном техническом факторе в войне не приходится. Всеобщей моторизации мира, которая в ближайшей войне сыграет колоссальную

¹ Московский протокол от 24 июня 1931 г. должен был пролонгировать действие Берлинского торгово-экономического договора 1926 г.

и решающую роль, мы не могли бы противопоставить почти ничего. Сама Германия в этой важной области позорно отстала. Но в случае войны она из своего немногого должна была бы еще содержать Россию, ибо Россия не имеет еще ни одного собственного завода, который сумел бы действительно сделать, скажем, настоящий живой грузовик. Что же это была бы за война? Мы подверглись бы простому избиению. Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен: конец Германии».

Серьезным инцидентом против СССР в 1933 г. в Германии стал подлинный террор, развязанный против Общества по продаже советских нефтепродуктов – «Деропа». Его запра-вочные станции подвергались «налетам и разграблениям... в некоторых случаях бензин насильственно забирается бесплатно... штурмовиками, в других случаях бензин просто выпускается». Столь предвзятое отношение к «Деропу» объяснялось просто – ему на немецком рынке противостояли «Стандарт ойл» и «Ройял датч шелл» Детердинга, которые не только не пострадали, но и увеличили свою долю на рынке за счет ликвидации советско-германской компании.

Несмотря на примирительные жесты Гитлера, годовой отчет полпредства СССР в Германии был полон пессимизма: «1933 год был переломным годом в развитии советско-германских отношений. Приход фашистов к власти в Германии поставил в порядок дня германской внешней политики осуществление давнишних антисоветских планов Гитлера и Розенберга. Конечная цель этих планов состояла в создании антисоветского блока стран Западной Европы под руководством Германии для похода на СССР...»

Советская общественность и Советское правительство с чрезвычайной настороженностью и скепсисом отнеслись к «миролюбивым» заверениям Гитлера от 23 марта и 17 мая, к ратификации Берлинского (Московского) договора и к выступлению Нейрата от 16 сентября 1933 г., считая эти выступления и акты лишь маневром. По данным отчета за 1933 год, в Германии было проведено 39 кратковременных арестов советских граждан и 69 обысков на их квартирах. За тот же 1933-й, отмечает С. Кремлев, одних письменных нот германскому МИДу наркомат Литвинова подал аж 217, не считая по выражению полпредства в Германии «бесчисленных устных заявлений».

Но главным, по мнению авторов отчета, была практическая сторона сотрудничества: «Советско-германский товарооборот в первые девять месяцев 1933 г., по сравнению с тем же периодом 1932 г., уменьшился на 45,7 %... Значительное сокращение всего товарооборота и особенно сокращение германского экспорта в СССР обусловили довольно сильное, абсолютное сокращение (на 61,1 %) активного для Германии сальдо советско-германского торгового баланса».

Коллективная безопасность

1933 г. стал действительно переломным в отношении положения СССР на международной арене. Народный комиссар иностранных дел Литвинов был убежден в формировании единого фронта против СССР западными странами. Литвинов докладывал Сталину: «В настоящее время призывами к антисоветской войне не только пестрят газеты почти всех буржуазных стран, но ими полны выступления влиятельных политических деятелей и представителей делового мира. Об этом говорят не только в таких империалистических странах, как Англия и Франция, но и в только что допущенной в приличное империалистическое общество – Германии». При этом Литвинов не сомневался, что роль непосредственного исполнителя агрессии отводится именно последней.

Это мнение разделяло большинство руководства СССР. Показателен в этом плане разговор американского бизнесмена Файлина с Микояном. В 1927 г. Файлин спрашивал: «В Советском Союзе... со столбцов печати правительство призывает к обороне страны, хотя, насколько ему известно, нет никакой опасности войны. Не желает ли советское правительство таким образом потушить оппозицию и объединить все силы страны, которые в противном случае не были бы объединены?»

[В ответ] тов. Микоян указал... что, к сожалению, военная опасность гораздо сильнее, чем это представляет себе Файлин. «В 1914 г. за несколько месяцев до войны никто не ожидал ее, но мы на опыте 1914 г. знаем, как подготавливается мировая война, и мы наблюдаем в современности те же процессы и поэтому мы должны быть на страже. Если бы мы знали, что Советскому Союзу угрожает от войны так же мало опасности, как угрожает американскому капитализму от коммунизма, то мы были бы гораздо спокойнее».

Развитие событий подтверждало эти прогнозы. В 1928 г. VI Конгресс Коминтерна пришел к выводу, что период стабилизации капитализма заканчивается и наступает новый, «третий период» кризиса капитализма, революций и войн. Через год начало Великой депрессии показало, что это предсказание Коминтерна о кризисе капитализма было пророческим. Кто должен был стать первой жертвой новой войны, сомнений в советском руководстве не вызвало.

Между тем советское военное командование, в том числе М. Тухачевский, Я. Берзин, считало явно враждебными по отношению к СССР только Англию, Францию, Польшу, Румынию, Финляндию и Прибалтийские страны. Германию Тухачевский и его сторонники врагом СССР не считали, что явно противоречило реалиям международной обстановки.

Приход Гитлера к власти потряс французов. М. Литвинов тогда наблюдал «полуанекдотический случай, когда содержатель карусели под Парижем перемалевал красовавшегося в течение десятков лет кавалергарда в красноармейца». Не прошло и месяца после прихода Гитлера, как Эррио уже заявлял: «Я придаю большое значение сближению французской и советской демократий для борьбы с фашизмом». П. Кот, французский министр авиации, докладывал: «Через несколько лет, в ходе конфликта, который продлился бы более 1 месяца, промышленная мощь Франции была бы равной 1, мощь Германии выражалась бы коэффициентом 2, России – коэффициентом 4 или 5. В таких условиях соглашение между Германией и Францией привело бы к разгрому Франции, а прямой союз Франции и России дал бы победу нашей стране».

Французы уже ощущали дыхание приближающейся войны. В конце 1933 г. У. Додд записывал слова французского посла: «Англичане вновь склоняются к признанию того, что Германия угрожает миру в Европе... если Соединенные Штаты и Англия не придут на помощь Франции, мир опять будет вовлечен в большую войну». Англия и США особо не торопились, тогда взоры Франции вновь обратились к России. Так, один из шефов французского МИДа

Леже заявлял советскому полпреду в Париже М. Розенбергу, что его «руководящей мыслью было найти наиболее эффективную формулу для сотрудничества СССР и Франции против Германии».

За сотрудничество с СССР выступали: Ванжер, гендиректор корпорации «Петрофина», Марлио, алюминиевый магнат, председатели банков «Union Parisien» и «National de credit», Дюшемен, глава Федерации промышленников. Германская угроза заставила высказываться за сближение с СССР даже националистов и антикоммунистов, таких, как граф д'Аркур, Ж. Нуланс, маршал Лиотэ, генералы Вейган и де Тассиньи, редактор «Echo de Paris» Анри де Кериллис. В Сенате за пакт о взаимопомощи голосовали Мильеран, М. де Ротшильд, Ф. де Вандель, председатель «Comite des forges» (комитета тяжелой промышленности), правые радикалы Ж. Кайо и К. Шотан. Французский министр иностранных дел Л. Барту восклицал: «Посмотрите на него (Литвинова) внимательно. Разве он похож на бандита? Нет. Он вовсе не похож на бандита. Он похож на честного человека».

Литвинова не надо было уговаривать. «Всего через месяц после прихода Гитлера к власти, – отмечал Г. Дирксен, – стал очевиден уклон политики Литвинова в сторону Франции». Советско-французские переговоры начались в июле 1933 г. Германию не могли не волновать происходившие перемены. Официальное заявление немецкого правительства гласило: «Мы можем усмотреть действительную причину, вызвавшую прискорбное отчуждение в германо-советских отношениях, только в установке Советского Правительства по отношению к национал-социалистическому режиму в Германии. Поэтому мы можем лишь снова подчеркивать, что различие во внутреннем устройстве обоих государств, по нашему твердому убеждению, не должно затрагивать их международные отношения. Успешное развитие этих отношений является в конечном итоге вопросом политического желания. В области внешней политики не имеется каких-либо реальных явлений, которые препятствовали бы этому желанию; наоборот, многочисленные общие интересы обоих государств указывают это направление». Германский посол в Москве, обращаясь к Литвинову в то время, отмечал, что «основная причина ухудшения советско-германских отношений – антигерманская установка вашей прессы. Собственно, лично мне непонятен и смысл заключения вами пакта о ненападении с Польшей. Но это – неофициально и к слову. А возвращаясь к теме, скажу, что после прихода Гитлера к власти ваша пресса начала систематическую травлю Германии».

4 декабря Литвинов был вынужден объяснить свою позицию Муссолини: «С Германией мы желаем иметь наилучшие отношения», однако СССР боится союза Германии с Францией и пытается парировать его собственным сближением с Францией. 13 декабря Литвинов повторил: «Мы ничего против Германии не затеваем... Мы не намерены участвовать ни в каких интригах против Германии».

11 января 1934 г. было подписано советско-французское торговое соглашение, а 16 февраля – советско-британское. Однако внешне безобидный шаг оказался только началом. Спустя полгода на Лондонских переговорах Л. Барту уже заявлял: «География определяет историю... Французская республика и монархическая Россия, несмотря на различие их форм правления, пошли на установление союзных отношений». П. Рейно, вице-председатель Демократического союза, высказывался в том же ключе: «География определила союз между Третьей республикой и царской Россией перед лицом кайзеровской Германии. География диктует союз Третьей республики и большевистской России перед лицом гитлеровской Германии». Л. Барту поддержал Э. Бенеш: «Франция не должна будет при каждом новом конфликте с Германией изгляться перед лицом двух арбитров – Англии и Италии – которые всегда толкают ее на компромисс. Наряду с Малой Антантой... она будет иметь еще и Россию, с которой можно договариваться и маневрировать».

18 сентября СССР вступил в Лигу Наций. Л. Барту в этой связи заявил: «Моя главная задача достигнута – правительство СССР теперь будет сотрудничать с Европой». И. Сталин

пять лет спустя, говоря о причинах этого шага, отмечал: «Наша страна вступила в Лигу Наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может пригодиться как место разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны». Литвинов, по мнению М. Карлея, стал наиболее заметным советским сторонником новой политики, которую называли «коллективной безопасностью». Мир, как он утверждал, неделим.

В том же 1934 г. произошел новый резкий спад советско-германской торговли, доля Германии в советском импорте снизилась почти в два раза по сравнению с 1932 г. Под угрозой оказались выполнение даже текущих торговых соглашений. Но в Советском Союзе по-прежнему оставались сторонники сближения с Германией. К. Радек в то время говорил руководителю военной разведки в Европе Кривицкому: «Только дураки могут вообразить, что мы когда-нибудь порвем с Германией. Для нас порвать с Германией просто невозможно».

В начале января 1934 г. Радек рассказывал немецким журналистам: «Мы ничего не делаем такого, что связывало бы нас на долгое время. Ничего не случится такого, что постоянно блокировало бы наш путь достижения общей политики с Германией. Но над ним стоит твердый, осмотнительный и недоверчивый человек, наделенный сильной волей».

Сталин не знает, каковы реальные отношения с Германией. Он сомневается. Ничего другого и не могло быть».

Были и другие противники советско-французского сближения, делавшие ставку на Германию. Так, например, на странности советско-французского пакта о ненападении, заключенного в 1935 г., указывал Л. Троцкий. По его мнению, пакт давал Франции несравненно больше выгод, чем Советам. «Обязанность военной помощи СССР имеет безусловный характер; наоборот, помощь со стороны Франции обусловлена предварительным согласием Англии и Италии...» Таким образом, фактически Франция, а в след за ней и Англия получали односторонние советские гарантии. СССР в свою очередь, подписав антигерманский пакт, превращался в прямого врага Германии.

Все они – и Тухачевский, и Радек, и Троцкий, – не замечали или не хотели замечать очевидного факта: пока у СССР была возможность договориться со странами «западной демократии», этой возможностью необходимо было воспользоваться. Почему тогда СССР пошел на подписание советско-французского пакта? Литвинов отвечал на этот вопрос несколько лет спустя в беседе с американским послом Д. Дэвисом, поведав ему о двух главных страхах советского правительства: первый страх – это гитлеровская жадность «к завоеваниям» и к «европейскому господству», второй страх – возможность «некоторого улаживания спорных вопросов между Францией, Англией и Германией».

Мотивы внешней политики СССР проясняло выступление Сталина 26 января 1934 г. в его докладе партийному съезду: «Дело явным образом идет к новой войне... победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса, а и как результат измен социал-демократии, расчистившей дорогу фашизму... дело идет к новой империалистической войне как выходу из нынешнего положения... У нас не было ориентации на Германию, – говорил он далее, – так же, как у нас нет ориентации на Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем **на СССР и только на СССР**. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний... Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами, СССР не думает угрожать кому бы то ни было и тем более – напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны». Это были не пустые слова. С одной стороны, экономическое сотрудничество СССР с Германией продолжалось, а с другой – в планах на вторую пятилетку были резко

увеличены расходы на вооружение, численность Красной Армии выросла почти в два раза – до 940 тыс. человек.

Женевская конференция

Опасность возникновения новой войны подчеркивали результаты Женевской конференции, начавшейся еще весной 1932 г. Она была посвящена сокращению и ограничению вооружений и созвана по решению Совета Лиги Наций, при участии 63 государств. На конференции французская делегация предложила «План Тардье», предусматривавший создание под эгидой Лиги Наций международной армии, под руководством Франции. Делегация Великобритании предложила «План Макдональда», предусматривавший предельные цифры сухопутных вооруженных сил европейских стран и предоставлявший Великобритании и США преимущества в военно-морских и военно-воздушных силах. Англия вообще не была настроена на сотрудничество; так, например, К. Райт из Чикагского университета утверждал, что «английские консерваторы враждебно относятся к целям Лиги наций». Для Англии, привыкшей на протяжении веков к «блестящей изоляции», обеспечивавшей ей доминирующее положение в мире, Лига Наций действительно была обузой, сдерживающей свободу действий. Вступление в Лигу СССР означало, что усиление Лиги ведет к усилению международных позиций Советского Союза, чего Англия допустить не могла ни под каким видом. Формально оставаясь в Лиге, Англия на деле уже отбросила последний инструмент, способный предупредить новую войну.

Германская делегация выступила с требованием «равенства в вооружениях». У. Черчилль в октябре 1932 г., обращаясь к палате общин, предупреждал: «Не обманывайте себя. Не позволяйте правительству Его Величества поверить, будто все, чего просит Германия, – это равный статус... Не к этому стремится Германия. Все эти отряды упорной тевтонской молодежи, марширующие с горящими глазами по улицам и дорогам Германии, ищут вовсе не равного статуса». Министр иностранных дел Великобритании Дж. Саймон, в свою очередь, рассуждал о Германии как о какой-то допотопной колонии: «Суровые и грубые методы быстро приведут Германию в чувство... недостаток твердости при рассмотрении (требовании равноправия) повлечет за собой новые тщательно продуманные атаки на структуру договора... Несколько резких слов, сказанных нами (британцами) в Берлине, произведут благотворный эффект».

Немцев поддержал американский сенатор Бора, который заявил, что считает их требования справедливыми; что, продолжая вооружаться, союзники сами нарушили «дух» Версальского договора, хотя бы даже они и могли доказать, что «буквы» договора они не нарушили. «Если Женевская конференция окончится неудачно, дело разоружения придет к позорному концу, и виновниками будут не немцы, а союзники...» Не добившись удовлетворения своих требований, Германия в октябре 1933 г. вышла из Лиги Наций. Как писал в то время Нейрат на имя председателя конференции по разоружению Гендерсона: «Окончательно выяснилось, что Конференция по разоружению не выполнит своей единственной задачи, состоящей в осуществлении полного разоружения». Консервативная «Морнинг пост» заявила, что она не прольет «ни одной слезы из-за кончины Лиги Наций и конференции по разоружению», скорее следует испытывать чувство облегчения от того что «подобный балаган» подошел к концу.

Отношение к конференции США демонстрируют записи в «дневнике посла» У. Додда. В 1934 г. он убеждал президента: «Соединенные Штаты должны вступить в Лигу Наций и заставить Германию и Италию сотрудничать с Англией и Францией в целях сохранения мира и сокращения вооружений...» Посол передал слова фон Бюлова: «Мы немедленно вернемся в Лигу Наций, как только Соединенные Штаты вступят в нее». Рузвельт ответил: «Относительно вступления Соединенных Штатов в Лигу Наций... я не уверен, что общественное мнение сейчас благоприятствует этому...» События подтвердили слова Ф. Рузвельта, в январе следующего года «сенат отклонил предложение Рузвельта о вступлении Соединенных Штатов в Палату международного суда». По мнению У. Додда, «Рузвельт... как будто не слишком сожа-

лел по поводу решения сената. Мне кажется, он не был в этом деле достаточно настойчив». В результате Лига Наций окончательно теряла свой международный авторитет, превращаясь в клуб по интересам.

Что касается Советской России, то еще до начала конференции газета «Уоррен таймс миррор» отмечала, что в Женеве продолжает обсуждаться вопрос о сокращении вооружений лишь под давлением «русских». 18 февраля 1932 г. Советский Союз внес на рассмотрение конференции два проекта «о всеобщем, полном и немедленном разоружении» и «о прогрессивно-пропорциональном сокращении вооруженных сил», а в феврале 1933 г. проект декларации об определении агрессии. Предложения советской делегации не были приняты. Тогда Советский Союз на последней сессии конференции предложил превратить ее «в перманентную, периодически собирающуюся конференцию мира». Но и это предложение было отклонено.

Идея «вооруженного народа»

Между тем направление тенденций развития Германии проявлялись все более отчетливо. Так, Шнитман в апреле 1933 г. сообщал из Берлина: «В настоящее время ведется неслыханная агитация в пользу идеи «вооруженного народа».

Эта агитация проникает буквально во все отрасли и области государства и быта и ведется самыми разнообразными методами: в кино появилась масса военно-патриотических картин (бои Фридриха Великого и т. д.); в театрах появились пьесы типа «Шлагейтер» (расстрелянный французами на Рейне во время оккупации немецкий патриот), и т. д.; школьники маршируют под звуки марша «Frederiks – Rex»; газеты непрерывно рассказывают о страданиях немцев в оторванных от Германии областях, о безоружности Германии и т. д. Словом, такого разгула шовинизма не знала даже гогенцоллернская Германия. А под весь этот «бум» рейхсвер упорно и систематически реорганизуется и вооружается, и нет ничего удивительного в том, что, как говорил в прошлый раз 37-й, в 1935 году вся намеченная программа организации вооруженных сил будет полностью закончена».

Еще в декабре 1932 г., когда конференция в Лозанне фактически покончила с вопросом о военных репарациях Германии, У. Черчилль впервые указал, что Германия может перевооружиться. Он процитировал Гитлера, которого он назвал «движущей силой, стоящей за германским правительством, которая может значить еще больше в будущем». 23 марта – через два месяца после прихода Гитлера к власти, Черчилль забил тревогу: «Когда мы читаем о Германии, когда мы смотрим с удивлением и печалью на эти поразительные проявления жестокости и воинственности, на это безжалостное преследование меньшинств, на это отрицание прав личности, на принятие принципа расового превосходства одной из наиболее талантливых, просвещенных, передовых в научном отношении и мощных наций в мире, мы не можем скрыть чувства страха».

В апреле Черчилль выразился еще более определенно: «Как только Германия достигнет военного равенства со своими соседями, не удовлетворив при этом своих претензий, она встанет на путь, ведущий к общеевропейской войне». В ноябре Черчилль снова выступал в палате общин:

«Огромные силы пришли в движение, и мы должны помнить, что речь идет о той могущественной Германии, которая воевала со всем миром и почти победила его; о той могущественной Германии, которая на одну немецкую жизнь ответила убийством двух с половиной жизней своих противников. Неудивительно, что, видя эти приготовления, открыто провозглашаемые политические доктрины, все народы, окружающие Германию, охватывает тревога».

Военный атташе американского посольства в Берлине полковник Уэст в конце 1934 г. утверждал: «Война неизбежна, к ней готовятся повсюду». Голландский посол также не сомневался, что «Нидерландам придется участвовать в следующей европейской войне или же они будут присоединены к Германии. Он уверен, что война близка». У. Черчилль в своем радиобращении по британскому радио 16 ноября призвал слушателей подумать о том, что всего лишь в нескольких часах полета от них «находится семидесятимиллионная нация самых образованных в мире, умелых, оснащенных наукой, дисциплинированных людей, которых с детства учат думать о войне и завоеваниях как о высшей доблести и о смерти на поле боя как о благороднейшей судьбе для мужчин. Эта нация отказалась от своих свобод, чтобы увеличить коллективную мощь. Эта нация, со всей своей силой и достоинствами, находится в объятиях нетерпимости и расового высокомерия, не ограниченного законом... У нас есть лишь один выбор, это старый мрачный выбор, стоявший перед нашими предками, а именно, подчинимся ли мы воле сильнейшей нации или покажем готовность защищать наши права, наши свободы и собственно наши жизни».

Восстановление «исторической справедливости»

Саар

Саарская область невелика 50 × 50 км. Но Саар – это уголь, чугун, сталь, прокат. Это машиностроение и химия. Согласно Версальскому договору Саар на 15 лет был отдан под мандат Лиги Наций, ее дальнейшую судьбу должен был решить плебисцит. Лига Наций в эти годы управляла Сааром лишь формально, подлинным хозяином была Франция.

Накануне плебисцита, по словам А. Симона: «Всесторонние обследования, проводившиеся нейтральными наблюдателями, говорили о том, что большинство жителей этой области с преобладающим католическим населением предпочло бы воздержаться от присоединения к национал-социалистической Германии». Однако на плебисците 13 января 1935 г. 90 % взрослого населения Саара голосовало за присоединение к Германии. Мнения относительно влияния немецкого террора на результаты голосования вызывают споры до сих пор. Однако ни Франция, ни Англия, гаранты Версальского мира, не высказали по этому поводу никаких официальных претензий. Позицию Запада отражали слова норвежского министра Кута, который в беседе с советским дипломатом Якубовичем отметил, что Клемансо привел политическую карту Европы в дикий вид, а поэтому мир невозможно обеспечить на базе вечного сохранения версальского статус-кво. Гитлер не скрывал своих намерений и уже в 1930 г. открыто заявлял, что, придя к власти, он и его сторонники «разорвут Версальский договор на части».

Единственным защитником Версаля неожиданно выступил Литвинов. С трибуны Лиги Наций он посвятил саарской проблеме целую речь. Литвинов объяснял Кремлю свое решение тем, что «саарская победа может настолько ударить в голову Гитлеру, что он станет более требовательным, чем раньше. Мы тоже не остаемся пассивными и принимаем все меры для противодействия германской агитации». Литвинов оказался прав: спустя месяц Германия отказалась от статей версальского договора, ограничивающих ее вооружение.

В марте 1935 г. Геринг официально объявил о наличии у Германии военно-воздушных сил, запрещенных Версальским договором. Спустя несколько дней Гитлер заявил о введении всеобщей воинской повинности. По мнению У. Манчестера, «это был конец Версальского договора. Гитлер его похоронил и уже читал некролог... Рейхсвер стал называться по-новому – вермахт. Люфтваффе сняло свой покров, к ужасу Европы. Военное ведомство теперь снова стало всем известно как Генеральный штаб, а морское ведомство... превратилось в военно-морской флот. Новые названия звучали внушительно и были популярны – Гитлер... затронул верную струну». В то воскресенье был День памяти героев Германии, по поводу которого была устроена официальная церемония. У. Ширер вспоминал: «Я пошел на церемонию... и стал свидетелем сцены, которую Германия не помнит с 1914 года. Весь... этаж был заполнен светло-серым морем военных мундиров и остроконечных шлемов старой императорской армии вперемешку с военной формой новой армии... Церемония стала триумфальным празднованием кончины Версальского договора и рождения регулярной германской армии. Генералы, и это видно по их лицам, были чрезвычайно довольны».

Как пишет И. Фест, «хотя британское правительство выступило с серьезным протестом, оно в той же ноте запрашивало, не хочет ли еще Гитлер принять министра иностранных дел. Для немецкой стороны это было «сенсацией в нужном направлении», как заметил один из участников событий». «Франция и Италия были опять готовы применить более решительные меры и собрали... конференцию трех держав в Стрезе... Муссолини настаивал на том, чтобы остановить дальнейшие поползновения Германии, но представители Великобритании с самого начала дали понять, что их страна не собирается применять санкции».

По мнению А. Уткина, «это был конец попыток контроля над военным развитием Германии». Теперь политика умиротворения получала новое содержание. Уступать Германии было уже нечего, умиротворение стало возможно осуществлять только за счет территорий в Европе. У. Додд в те дни отмечал: «Почти все американцы считают, что Германия идет к войне». Аналогичного мнения был, очевидно, и британский посол Фиппс, который писал американскому послу в Париже, что «считает Гитлера фанатиком, который успокоится, разве что добившись господства над Европой». В разговоре со своим американским коллегой в Берлине он утверждал, что Германия не начнет войну ранее 1938 года, но что «война – это ее цель».

В это время Гитлер решил очередной раз успокоить «мировое сообщество». 21 мая 1935 г. он выступил с одной из своих самых миролюбивых речей: «Кровь, лившаяся на Европейском континенте в течение трех последних столетий, не привела к каким бы то ни было национальным изменениям. В конце концов, Франция осталась Францией, Польша Польшей, а Италия Италией». Войны в Европе, таким образом, бессмысленны: «Война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации... Германии нужен мир, она жаждет мира!» А с точки зрения идеологии нацизма территориальные захваты бессмысленны вдвойне: «Наша расовая теория считает любую войну, направленную на покорение другого народа или господство над ними, затеей, которая рано или поздно приводит к ослаблению победителя изнутри и в конечном счете – к его поражению... Германия торжественно признает границы Франции, установленные после плебисцита в Сааре, и гарантирует их соблюдение... мы отказываемся от наших притязаний на Эльзас и Лотарингию – земли, из-за которых между нами велись две великие войны... Забыв прошлое, Германия заключила пакт о ненападении с Польшей. Мы будем соблюдать его неукоснительно. Мы считаем Польшу родиной великого народа с высоким национальным самосознанием».

У. Додд замечал по поводу этой речи: «Англичане, видимо, поверили обещаниям фюрера. Если и дальше так пойдет, то в ближайшие полгода не будет заключено действительного соглашения о разоружении, и Германия успеет лучше, чем теперь, подготовиться к нападению, как это имело место и в 1914 году». Лондон не только «поверил»... но и в июне, в ответ на франко-советский пакт заключил с Берлином свое соглашение, тем самым, по словам Папена, «Великобритания первой признала гитлеровский режим де-факто, заключив с ним военно-морское соглашение, которое находилось в прямом противоречии с Версальским договором».

Днем подписания пакта, отмечает И. Фест, избрали 18 июня, день, когда 120 лет тому назад англичане и пруссаки разбили французов у Ватерлоо. «Невел ревю» – орган британских ВМС писал по поводу пакта: «Хотя Франция и будет опасаться германо-английского договора, ей придется осознать, «что у Англии нет постоянных друзей, а есть лишь постоянные интересы». «Именно этим интересам, – отмечал И. Фест, – как полагали, отвечало бы признание британских претензий на господство на морях со стороны такой великой державы, как Германия, тем более на столь умеренных условиях, которые выдвинул Гитлер».

Эра Версаля, которая значила так много для Франции, отошла в любом случае в прошлое и, как говорилось в докладной записке Форин Оффис от 21 марта 1934 года, «если уж проводить похороны, то лучше сейчас, пока Гитлер настроен оплатить услуги похоронной конторы»».

В это время У. Черчилль, впервые за несколько лет, задумался о необходимости пробиться в правительство. «Растущая германская угроза вызвала у меня желание участвовать в работе нашей военной машины. Я теперь знал абсолютно определенно, что ждет нас впереди». У. Додд в то время записывал: «Немцы отмечают воскресные дни муштрой и военными учениями. Однако Гитлер постоянно твердит, что он не допустит войны. Возможно, кое-кого из этих бедняг страшит опасность общеевропейского конфликта, однако большинство из них уве-

рено, что война возвышает немецкий характер. Война для них – единственный путь служения родине».

Мнение американского посла: «Если Гитлер останется у власти еще лет пять, вероятно, будет война». В конце года У. Додд отмечал: «Все военные и военно-морские специалисты здесь сообщают, что перевооружение Германии происходит исключительно быстро. Немцы создают величайшую в мире военную машину», и в это время «Англия и Франция предприняли шаг, который грозит расколоть Лигу». На этот раз вопрос касался Италии.

Эфиопия

По союзническому договору Италии за участие в Первой мировой войне на стороне Антанты были обещаны значительные колониальные компенсации за счет колониальных империй поверженных противников. Однако по Версальскому договору Италии не досталось почти ничего из того, что ей обещали союзники².

3 октября 1935 г. Италия без объявления войны напала на Абиссинию (Эфиопию)³. Эфиопия внесла протест в Лигу Наций. А. Иден увидел в агрессии Италии опасность британской колониальной империи и 11 апреля 1936 г. с трибуны Лиги Наций выступил за прекращение войны. В те дни американский посол в СССР Буллит докладывал в Вашингтон, что Литвинов был очень обрадован решением Великобритании применить санкции Лиги Наций. «Он [Литвинов] выразил убеждение, что англичане решили уничтожить Муссолини... что англичане устроят блокаду Суэцкого канала... Он предполагает, что, покончив с Муссолини, англичане покончат и с Гитлером».

Однако события разворачивались прямо противоположным образом. В декабре 1935 г. Англия и Франция, пытаясь удержать Италию в рамках бывшей Антанты, не посоветовавшись с другими членами Лиги Наций, встали на сторону Италии и заключили соглашение Хора – Лавалья, предусматривающее передачу Италии значительной части эфиопской территории. При этом У. Черчилль отмечал, что итальянские войска никаким путем, кроме контролируемого англичанами Суэцкого канала, не могли выйти к Эфиопии. Гигантские армады британских кораблей на рейде в Александрии, одним движением могли бы преградить путь итальянским транспортам⁴. Итальянские военно-воздушные силы по качеству и количеству значительно уступали британским.

Тем не менее У. Черчилль поддержал план Хора-Лавалья, дававший Муссолини все, чего тот желал. По мнению У. Додда, «идея о соглашении Хора – Лавалья была вызвана страхом Англии и Франции, как бы в случае падения Муссолини в Италии не восторжествовал коммунизм. Я думаю, что это отчасти правильно и что нацистская Германия, конечно, хочет успеха Муссолини. Возможно, эти два диктатора уже заключили соглашение». Однако Англия еще пыталась соблюдать политес, и Хор был отправлен в отставку, на его место министром иностранных дел был назначен А. Иден, однако коренного изменения во внешней политике Великобритании не произошло.

Американский посол в то время отмечал: «В огромном дворце Лиги Наций в Женеве состоялись совещания Совета Лиги и стран Локарнского договора. Иден не смог, а Фланден, министр иностранных дел Франции, не захотел ничего сделать. Два диктатора счастливы, как никогда. Малые европейские страны... встревожены сильнее, чем когда-либо после окончания мировой войны. Австрия – следующая жертва Гитлера, а Египет – следующий объект вождения Муссолини. По крайней мере, такой вывод напрашивается на основании имеющихся фактов. Англия и Франция... фактически уничтожили Лигу Наций – их единственную надежду избежать войны». Развитие ситуации привело к концу лета У. Додда к мнению, что «отказ от согласованных англо-французских действий против итальянской агрессии в Абиссинии... обрекает демократии в Европе на гибель».

² Что, по мнению Клемансо и Пуанкаре, соответствовало ее вкладу в победу.

³ Пограничный конфликт был спровоцирован Муссолини годом раньше, что дало ему повод обвинить Эфиопию в развязывании агрессии против Италии.

⁴ Итальянский флот в то время равнялся лишь четверти британского.

К середине февраля 1936 г. в Африке уже находилось более 350 тысяч итальянских солдат, не считая полутора сотен тысяч вспомогательных сил. «Эта орава двигалась на 15 тысячах автомобилей, вооруженная десятком тысяч пулеметов, тремя сотнями танков, восемью сотнями орудий. Почти 2 тысячи радиостанций заливали африканский эфир непривычными для него радиоволнами». У эфиопов был десяток тысяч винтовок и сотня пушек. И все же итальянцев били. Они не смогли установить прочный контроль над страной при подавляющем военно-техническом превосходстве.

Опасность для Муссолини возникла вроде бы и с другой стороны. Лига Наций ответила на агрессию против своего члена экономическим эмбарго против Италии, однако среди десятков пунктов товаров, которые было запрещено ввозить в Италию, отсутствовал главный – нефть. Муссолини признавал, что если бы Лига Наций включила в список санкции «нефть, то мы вынуждены были бы вернуться из Эфиопии в течение восьми дней. Для нас это была бы катастрофа, которую трудно себе представить». Именно этот шаг – эмбарго на поставку нефти Италии – и предложил Литвинов с трибуны Лиги Наций. Но Лига не отреагировала на советское предложение. По словам У. Додда, отмена нефтяных санкций произошла под давлением нефтяных компаний и нескольких крупных предпринимателей в Лондоне: «Я убежден, что нефтяные компании оказали давление. На карту поставлены их интересы, особенно и в первую очередь интересы компании «Стандард ойл»..., а эти интересы в прошлом не раз были причиной чрезвычайных событий в Соединенных Штатах».

Поставки «нефти в итальянскую Африку быстро выросли в 30 раз! 75 % нефти Италия получала от девятки государств – членов Лиги Наций...», главным образом из США, и в том числе из... СССР. Помимо того «Англия, Франция, Германия, Австрия и США потоком слали дуче уголь, хлопок, никель и лес. Венгрия снабжала итальянцев салями, шпиком и окороками». Как пишет С. Кремлев: «Итальянские берсальеры посмеивались и фотографировались с головами эфиопских офицеров-расов в руках. Даже сдержанные англичане из Красного Креста признавали: «Это не война, это даже не избиение. Это казнь десятков тысяч беззащитных мужчин, женщин и детей с помощью бомб и отравляющих газов». Впрочем, написавший это Д. Меллоу поделкатничал – по некоторым оценкам, погибло около миллиона».

«Некоторые офицеры, в том числе сыновья Муссолини Бруно и Витторио... хвастались, что они устраивали веселую охоту на целые толпы, сотни и тысячи людей и истребляли их зажигательными бомбами и бортовым оружием своих самолетов». Впрочем для европейцев агрессия Италии в Эфиопии была обычным колониальным завоеванием, которое ни по форме, ни по целям особо не отличалось от традиционной для Англии, Франции, Голландии и т. д. колониальной политики. Она осуществлялась ими на протяжении веков. Поэтому итальянская агрессия не вызвала не только протестов, но даже сколько либо значимого осуждения. Санкции же Лиги Наций были лишь политическим жестом призванным отдать дань меняющемуся миру⁵.

Речь Литвинова в Лиге Наций вызвала яростную реакцию в Германии и Италии. В Генуе представителей советского торгпредства побили палками, в Ливорно – арестовали. У. Додд сообщал в те дни: «Лейпцигские и берлинские газеты полны статей о выступлениях Гитлера, Геббельса и Розенберга против коммунистов... *Невольно поражаешься их речам и очевидному убеждению, что Германия и Италия должны принудить все народы объединиться с ними для свержения государственного строя в России, как будто одна страна имеет право диктовать другой, какое правительство она должна иметь у себя*».

В октябре Германия и Италия подписали протокол о взаимодействии во внешней политике. Несмотря на то что протокол был секретным, Муссолини публично заявил: «Это взаимопонимание, эта диагональ Берлин – Рим не есть линия раздела, но ось, вокруг которой могут

⁵ Великобритания и Франция признают аннексию Эфиопии Италией в 1938 г.

объединиться все европейские государства, воодушевленные волей к сотрудничеству и миру». О каком мире и сотрудничестве говорил дуче, писал Геббельс: «У Муссолини отчаянное положение...

Все началось на три года раньше, чем надо. Фюрер ясно видит ситуацию. Точно знает, чего хочет. Вооружать и готовиться. Европа вновь в движении. Если мы будем умны, останемся в выигрыше... Будущее народов не в нейтралитете, а в интервенции... Мы должны ждать и, если ничего не изменится, действовать».

В декабре советский полпред Штейн сообщал в Москву: «Сегодня «Пополо ди Рома» опубликовала статью, открыто призывающую Германию к нападению на СССР. На основании ряда признаков можно уже предвидеть, что возможность компромисса с Англией будет сопровождаться одновременно яростной атакой против нас. Пресса будет пытаться доказывать, что основным врагом является СССР, заинтересованный в санкциях в целях свержения фашистского режима».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.